

П Е Р Е В О Д Ы

LABICA G. LE MARXISME ENTRE SCIENCE ET UTOPIE

ЛАБИКА Ж. МАРКСИЗМ МЕЖДУ НАУКОЙ И УТОПИЕЙ¹

© Н.В. Суслов. Перев. с франц., 2004.

© К.Н. Любутин. Науч. редакция, 2004.

Я исхожу из того, что анализ марксистской доктрины (не только идей Маркса и Энгельса, но и их последователей) предполагает обращение к вопросу утопического дискурса, ибо и в плане своего генезиса, и в аспекте своего завершения марксизм, судя по всему, выступает сегодня под знаком конца некой, а возможно, и всякой утопии. Этому феномену конца утопического я посвятил несколько положений, которые будут представлены здесь в достаточно сжатом виде, поскольку рамки статьи, конечно же, не позволяют раскрыть их содержание в полном объеме.

Отвод утопии

То, о чем идет речь в первом тезисе, пожалуй, общеизвестно: *марксизм конституирует себя в качестве прямой противоположности всего утопического*. Марксистская теория не приемлет утопию и объявляет ей о ее отставке. Но с принятием данного положения мы сразу же оказываемся в парадоксальной ситуации: указывая сегодня на конец марксистской утопии, мы имеем в виду доктрину, в сущности отбросившую утопическое. Отбросившую, заметим, во имя науки, или по крайней мере научности, на которую марксизм ориентировался с самого начала. Вспомним хотя бы высказывание Маркса о том, что коммунизм есть «самый решитель-

¹ Статья Ж. Лабика была опубликована в журнале «Мо» (Georges Labica. Le marxisme entre science et utopie, dans Mots / Les langages du politiques. Juin 1993. № 35. P. 19-37). Перевод печатается с любезного разрешения автора. (Прим. перев.)

ный противник утопизма»¹, или следующее из замечаний Энгельса: «Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было поставить его на реальную почву, подвести под него прочную непоколебимую основу. И это сделал Маркс»². Что касается Ленина, то он позднее был еще более категоричен: с его точки зрения, теория Маркса «впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях»³.

Если мы хотим разобраться в причинах столь решительного отрицания утопического Марксом и Энгельсом, нам необходимо принять во внимание их критику больших и малых «робинзонад». Речь идет о разоблачении методологической установки, которой придерживались даже выдающиеся мыслители типа Смита и Рикардо и которая лишь по видимости была натуралистической, а на деле представляла собой не что иное, как предвосхищение (*Vorgewahn*) буржуазной системы и ее либерально-индивидуалистической идеологии⁴. Когда Энгельс подчеркивает в Анти-Дюринге, что «незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории»⁵, он всего лишь воссоздает и развивает мысли, тридцать лет назад уже сформулированные в Манифесте⁶: социалистически ориентированные утопии отвечают периоду становления существовавшего для капиталистического способа производства противоречия между буржуазией и пролетариатом; и до тех пор пока это противоречие не выходит на первый план, утопическое мышление выполняет функцию предвосхищения не столько непосредственных последствий его развертывания, сколько эпохи, где его больше нет, где оно получило свое разрешение, – иными словами, работа утопического воображаемого здесь есть то, что заменяет собой борьбу

¹ *Marx Engels Werke (MEW)*. Berlin, Dietz, Verlag, 1972. Т. 4. Р. 512.

² Энгельс Ф. набросок введения к Анти-Дюрингу // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 5. М., 1986. С. 633.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 182.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 17-18.

⁵ Там же. Т. 20. С. 269.

⁶ Там же. Т. 4. С. 455-457.

классов¹. Так как в данных условиях утописты не могли не быть утопистами², им нельзя отказать в «революционности», однако их ученики или ярые приверженцы, коль скоро с эволюцией капитализма его основное противоречие заявляет о себе в полной мере, неизбежно оказываются «реакционерами»³.

Отсюда вполне закономерно вытекает второй тезис: марксизм демонстрирует истину утопий. Он демонстрирует, выступая в качестве ее топики, не-место утопии, он является недостающим местом этого не-места, темпоральностью этого лжевремени (*uchronos*), высказыванием этого невысказанного. Марксистская теория обращается к действительному объекту утопического и указывает на историю как на материальную основу утопической мысли.

Именно в этой связи Рюйе говорил о принципиально неисторическом и «антидиалектическом», а Луи Марен – о «нейтральном» характере утопии. Однако по большому счету социалисты-утописты ориентированы все же не на «конец времени»: им свойственна тоска по времени, тоска как вожделение благодатного периода, которая не может стать ни фактором истории, ни хотя бы формой ее достаточно адекватного постижения и которая, тем не менее, претендует на то, чтобы занять их место.

«Забвение» истории – не просто пренебрежение сложностью исторического процесса. Оно упускает из виду его ключевую коллизию, каковой является классовая борьба. И чтобы расшифровать утопическое, надо обратиться как раз к феномену классовых столкновений. Предприняв соответствующие усилия, марксизм заставил утопию проговориться, заставил сказать то, о чем она на самом деле ведет речь. По словам Энгельса, утопическое мышление, а вместе с ним и буржуазное развитие, «с самого начала» – Томас Мюнцер, левеллеры, утопия Томаса Мора⁴ – пронизано противоположностью требований равноправия политического и равноправия социального, за которой в свою очередь стоит противоречие классов буржуазии и пролетариата, противоречие отнюдь не «преодоленное», но скрытое, не лежа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ... Там же.

² Там же. Т. 20. С. 276.

³ Там же. Т. 4. С. 455 – 457.

⁴ Энгельс Ф. набросок введения к Анти-Дюрингу ... С. 632.

щее на поверхности, а потому порождающее существенную неоднозначность настойчиво провозглашаемого утопистами лозунга равенства. Переходом от социализма «утопического» к социализму «научному», от одной «концепции» к другой мы обязаны именно наличию двух версий равенства, а также объективным условиям, делающим *возможной* существенную трансформацию социалистической доктрины.

Но если на первых порах такого рода двусмысленность утопического дискурса была в какой-то мере неизбежной, то социализм Прудона – этот *лжебрат* коммунизма, от которого коммунизму необходимо избавиться¹, демонстрирует ее в гораздо более поздний период, когда противоречие буржуазии и пролетариата заявило о себе в полную силу. И теперь она становится формой его затушевывания. Да, говорит Маркс, прудоновский социализм – не что иное, как *брат* коммунистической теории, однако брат *ложный*, ибо Прудон «хочет товара, но не хочет денег»², жаждет равенства, но не желает упразднения классов.

Классы, философия, революция

Теперь настала очередь еще двух тезисов. Начну с утверждения, что *отношение марксизма к утопии – это отношение одной классовой позиции, позиции пролетариата, к другой, позиции мелкой буржуазии*. Утопический социализм, таким образом, является идеологией мелкого производства. В самом деле, что представляют собой его проекты идеального города? Они выступают в качестве выражения в мышлении противоречий рыночного общества, которое еще не достигло своей наиболее развитой, предполагающей капиталистический способ производства стадии и в котором по этой причине полярная противоположность наемного труда и капитала наличествует исключительно в зачаточной форме. Но в таком случае утопический дискурс должен существовать в двух исторических формах. И первая из них – утопия принципиально до- или преднаучная: до- или преднаучная в особом, гегелевском, смысле

¹ Там же. Т. 29. С. 469.

² Там же.

критического, которое не в состоянии возвыситься до своей собственной критики.

Какой бы наивной ни казалась мысль утопистов первого этапа ее развития, она все же была весьма активной и порой достаточно проникательной, чтобы сформулировать некоторые важные социалистические идеи, касающиеся, к примеру, проблемы критериев социальной свободы (таково заявление Фурье о том, что эмансипация женщины есть мерило общей эмансипации¹) или конкретных вопросов переустройства общества (достаточно вспомнить положение Сен-Симона о необходимости «отмены государства»²). Но поскольку со временем устремления представляемых ею социальных групп существенным образом перестают соответствовать тенденциям исторического процесса (в полной мере они не соответствовали им и раньше), эта мысль шаг за шагом превращается в разновидность ностальгии по уходящему и утрачивает свою прогрессивность. Конечно, популярность утопических теорий не уменьшается и даже растет, причиной чему, по-видимому, является дальнейшая эволюция старых типов производственных отношений, а значит, и увеличение численности мелкой буржуазии – образования, включающего в себя все новые и новые слои населения. Однако каковы бы ни были социальные корни концепции того или иного утописта и его субъективные установки, в целом утопический дискурс становится на данном этапе «утопистским», оказывается, если принять во внимание его роль в классовой борьбе, не-, а чаще всего антинаучным: «По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастические стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания»³. Именно так обстоит дело с «талантами», и прежде всего с Ламартином, накануне революции 1848 года⁴ и точно так же – с Южаковым, исключительно для красного словца назвавшим «утопией» свою программу реформирования среднего образования, в которой, поскольку она основывалась на смешении

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ... Там же. С. 270-271.

² Там же. С. 270.

³ Там же. Т. 4. С. 456.

⁴ Там же. Т. 7. С. 13, 18.

сословий с классами, идея соединения обучения с производительным трудом оборачивалась идеей труда только для малоимущих учеников и которая поэтому полностью согласовывалась с реалиями режима самодержавия¹.

Мой следующий тезис имеет гораздо более общий характер: *марксизм взятый в аспекте критики утопического заявляет о конце утопии*. Речь идет о том, что марксистская доктрина, какой она была и какова она есть, представляет собой не что иное, как *Ausgang*, выход из утопического дискурса, а значит, и из философии и экономической теории. Поскольку для него нет и не может быть раз и навсегда установленных истин, марксизм, демонстрируя высшую степень «критичности», не приемлет ни одну из существующих концепций. С чем конкретно не согласны Маркс и Энгельс? Протест классиков марксистской доктрины, как свидетельствуют их тексты от *Святого семейства* до *Капитала*, вызывает прежде всего то, что утопия так или иначе покидает почву исторического и что философия и экономические теории делают то же самое. Поэтому, обращаясь к действительной, материальной истории, марксизм и отправляет данные формы осмысления мира в отставку. В этой связи, приводя слова Дюринга о великих утопистах как «социальных алхимиках», Энгельс считает нужным подчеркнуть: Дюринг сам является утопистом, причем утопистом-алхимиком в эпоху «современной химии»².

То, что ориентация марксизма на «реальную» историю – в противовес высмеиваемому Марксом начиная с 1843 г. обращению предшествовавших мыслителей к *Traumgeschichte*, истории идеальной³, – означает выход марксистской теории из сферы философствования, на мой взгляд, достаточно очевидно. Утопические построения тесно связаны с философским способом мышления, и не случайно Рафаэль Гитлодей у Томаса Мора – это человек, который «целиком посвятил себя философии»⁴. П.-Ф. Мору прав: Утопия является в первую очередь Философским государством, она существует в рамках *Staatsro-*

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 61-69, 473-504.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ... Т. 20. С. 277.

³ Там же. Т. 1. С. 421.

⁴ Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 119.

*man*¹. Сколь показателен, однако, центральный символ утопического мышления – образ Острова! За ним, за данным символом, стоят и радикальное отклонение темпоральности, и самая решительная изоляция от окружающего мира. И, порывая с утопией, марксизм концентрируется именно на оставляемой без внимания, игнорируемой утопистами теме – на проблематике исторического перехода или исторического преобразования. Утопическому дискурсу эта проблематика чужда по самой его сути, ибо «у утописта бессмысленно спрашивать, как он достигнет своей цели. Он ее уже достиг»².

Но вопрос о преобразовании является также и вопросом о революции, совершенно не волновавшей умы утопистов, которым не было дела даже до реформ и которые всегда ограничивались столь дорогой сердцу философов *интерпретацией* действительности. А стремление изменить мир, кардинальным образом трансформировать общество требует сосредоточенности на конкретной политике, что предполагает умение выявлять расстановку общественных сил, определять ведущих социальных субъектов, составлять программу агитации и прямых практических действий и взвешивать последствия предпринимаемых шагов. В данном случае, оценивая состояние современной ему политической мысли, Маркс – как это бывало с ним не раз – соглашается с мнением Спинозы, который писал: «... рознь между теорией и практикой, имеющаяся во всех прикладных науках, более всего проявляется в политике; и никто не считается менее способным к управлению государством, нежели теоретики или философы»³. Создание *науки практики*, или *алгебры революции*, – этого, следовательно, вполне достаточно, чтобы лишить значения любую утопию.

Господство науки

Тот, для кого дело обстоит именно так, для кого марксизм располагается на территории именно такого рода науки, не может не настаивать на наличии жесткой границы, разделяющей маркси-

¹ Moreau P.-F. Le recit utopique. Paris: PUF, 1982. P. 19 [Staatsroman (нем.) – роман о государстве. – Прим. перев.].

² Ibid. P. 18-19.

³ Спиноза Б. Политический трактат // Б. Спиноза. Сочинения. В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 249.

стский и утопический дискурсы: с одной стороны – наука, с другой – утопия, между которыми нет никаких взаимных переходов, никакой диалектики. И этот подход к проблеме соотношения марксистского и утопического мышления оказался, как известно, преобладающим среди марксистов. Не останавливаясь на этапах его формирования, о которых мне уже приходилось писать, и достаточно подробно¹, укажу лишь на два существенных обстоятельства, повлиявших на распространение данной точки зрения.

Первое имеет отношение к вопросам терминологии. Какой термин является наиболее подходящим для подчеркивания своеобразия нового взгляда на мир? Эта проблема возникла перед марксистами еще при жизни Маркса. И она была решена следующим образом: для обозначения специфики марксистской позиции в таких отраслях знания, как философия, история, экономика, социализм или политика, и даже – что имеет место у Ленина – для описания марксистской идеологии, стали использовать эпитет «научный». Правда, статус узаконенного получило лишь выражение «научный социализм» – словосочетание, употребляемое Энгельсом в брошюре, написанной на основе трех глав Анти-Дюринга². По-видимому, многие сторонники марксизма, помимо всего прочего, учитывали и то, что когда Поль Лафарг, зять Маркса, перевел ее название – *Die Entwicklung des Sozialismus von der utopie zur Wissenschaft* (*Развитие социализма от утопии к науке*), на французский как *Утопический социализм и научный социализм*, это не вызвало у Энгельса абсолютно никаких возражений³.

Второе обстоятельство – еще одно, но теперь уже в рамках марксистской доктрины, забвение диалектики истории.

Такого рода прочно укоренившееся в марксистской среде забвение было связано как с возникшим еще до появления марксизма стремлением интеллектуалов создать наконец подлинную

¹ Cf. «Science», dans Dictionnaire critique du marxisme, Paris: PUF, 1985 (2 ed.); Georges Labica. Le marxisme-leninisme. Paris; Huisman, 1984.

² Впервые была напечатана в 3-м, 4-м и 5-м номерах журнала «Revue socialiste» за 1880 г.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ... Т. 34. С. 351-352; Т. 22. С. 297.

науку об обществе¹, так и с возможностью весьма различных толкований немецкого *Wissenschaft*². В данных условиях и начало формироваться радикальное противопоставление утопии и науки – противопоставление, отчетливо обнаруживающееся у Каутского, а также у Ленина, который – в развитие линии *Манифеста* на разграничение социализма как «буржуазного движения» и коммунизма как «рабочего движения»³ – стал именовать «теоретическое выражение пролетарского движения»⁴ «научным коммунизмом». А итог известен: с воцарением сталинского «марксизма-ленинизма» дело обернулось полнейшим абсурдом. Сторонники этого «марксизма-ленинизма» не только занялись тотальной заменой утопического на научное, но и объявили, что единственным гарантом научного подхода ко всем общественным проблемам, начиная с вопросов экономики и заканчивая вопросами литературы и искусства, выступает Партия, олицетворение которой – ее вождь.

Знаменитое аристотелевское высказывание, таким образом, получило новую формулировку: «Не существует иной науки, кроме науки Генерального секретаря», а ледяную воду «эгоистического расчета» эпохи буржуазии⁵ сменила студёная вода расчета коллективистского. Отныне утопию отправляют на свалку исторического процесса; что же касается тех, кто распространяет утопические идеи, то они рассматриваются в качестве если не сознательных обманщиков масс, то во всяком случае вредных для общества фантазеров. Все, что выходит за рамки истинных, или «научных», положений, которые провозглашаются, пропагандируются и защищаются партией-государством,

¹ Cf. «Science», dans *Dictionnaire critique du marxisme*. Стоит отметить, что термином «научный социализм» пользовался и Прудон (*Прудон П.-Ж. Что такое собственность?* СПб., 1907. С. 257).

² *Wissenschaft* (нем.) – наука. – *Прим. перев.*

³ *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ...* Т. 4. С. 455-457; Т. 22. С. 56-63.

⁴ Там же. Т.20. С. 295.

⁵ В *Манифесте*, имея в виду буржуазию, Маркс и Энгельс пишут: «В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности» (Там же. Т. 4. С. 426).

неизбежно оказывается заблуждением, а значит – изменой, с самыми тяжелыми последствиями для отступников.

Конечно, возражения против жесткого разграничения утопического и научного, т.е. против предания марксизму измерения «бескомпромиссной» научности, в среде марксистов имели место. Но были ли они достаточно решительными? Безусловно, нет. Маркс, озабоченный превращением политической экономии в «позитивную науку»¹, с тем чтобы сделать «общедоступными» научные изыскания², по большей части поддерживал это противопоставление научного и утопического дискурсов, уточняя, правда, что термин «научный социализм» целесообразно использовать только в контексте борьбы с «утопическим социализмом, который хочет внушить народу новые химеры»³. Нам, однако, нужно внимательно разобраться в данном вопросе, в связи с чем я предлагаю новый тезис: *марксизм, по-видимому, не отвергает утопию*. Да, этот тезис противоречит предыдущему, но здесь нет ничего удивительного: теперь мы обращаемся к иному взгляду на утопическое в рамках марксистской доктрины.

Сопротивление со стороны утопии

В буквальном смысле слова иллюстрацией альтернативного подхода к утопии среди марксистов является генеалогическая схема-дерево под названием *Stammbaum des moderne Sozialismus*⁴, выстроенная Каутским в период Второго Интернационала⁵. На ней имеющие многочисленные ответвления три линии-ствола – *Рабочий коммунизм и классовая борьба, Гуманистическая критика по-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ... Т. 32. С. 145.

² Там же. Т. 30. С. 528.

³ Marx Engels Werke, op. cit. Т. 18. P. 635-636.

⁴ *Stammbaum des moderne Sozialismus (нем.)* – Родовое древо современного социализма. – *Прим. перев.*

⁵ Воспроизведена на афише семинара «Sozialismus-Das Ende einer Utopie?» [«Социализм – конец утопии?»] (нем.) – *Прим. перев.*, состоявшегося 18-19 сентября 1992 г. в Люксембурге по инициативе Библиотеки Томаса Манна и Люксембургского института Гете.

литической экономики и Утопический социализм – сходятся и сливаются друг с другом в зоне, отмеченной именами Маркса и Энгельса, над которой располагается область кроны, отсылающая к событиям создания Международного товарищества рабочих, Парижской коммуны и конгрессов Интернационала. Вершина дерева обозначена как *Maitag des Proletariats*¹. На стволе Утопии снизу вверх указаны Платон, Мор, Ф. Дони, Дж. Бонифачо, Кампанелла, Верас д'Алле, Мелье, Фенелон, Руссо, Морелли, Мабли, Ф. Буассель, Фурье и Сен-Симон. В данном случае, таким образом, акцент сделан на преемственности марксизма в отношении предшествующих учений. На преемственности, которой концепция Маркса и Энгельса характеризуется и в историческом, и в теоретическом планах.

Об исторической зависимости своих взглядов от воззрений предшественников не раз говорили и сами основатели марксизма. «Молодой Маркс», этот ориентированный на идеалы Прогресса и Рациональности *Aufklärer*², вплоть до времени создания *Манифеста* постоянно подчеркивал, что очень многим обязан таким мыслителям, как Фейербах, Бауэр, Вейтлинг и особенно Мозес Гесс. И точно так же поступал слишком часто обвиняемый в сциентизме Энгельс: достаточно обратить внимание на его *Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний*, на свойственный ему повышенный интерес к миллениаризму (движению, в котором Анри Дерош увидел «четвертый источник» марксизма³), на *Письма из Лондона* и *Социальную реформу на континенте* (написанные им в период, когда, как он полагал, было крайне важно открыть для немецких эмигрантов в Париже библиотеку активиста, где они могли бы найти прежде всего «лучшие произведения Фурье, Оуэна и сен-симонистов и т.д.»⁴), на *Циркуляр против Криге* и длительную работу по редактированию *Мани-*

¹ *Maitag des Proletariats* (нем.) – Майский день пролетариата. (Прим. перев.).

² *Aufklärer* (нем.) – просветитель. (Прим. перев.)

³ *Henri Desroche. Socialismes et sociologie religieuse.* Paris; Cujas, 1965.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ...* Т. 27. С. 25.

феста, наконец, на *Крестьянскую войну* (текст, в котором в качестве центрального персонажа выступает Томас Мюнцер).

В теоретическом плане у Маркса и Энгельса оказались востребованными многие сформулированные до них положения, о чем свидетельствуют главные произведения зрелых классиков марксизма – *Анти-Дюринг* и *Капитал*. Генезис их теории был тесно связан с высокой оценкой ими трех «великих утопистов», т.е. Фурье, Оуэна и Сен-Симона, «гениальные идеи» которых постоянно прорываются «сквозь фантастический покров»¹. Оуэну при этом ставятся в заслугу объединение различных профессиональных союзов, организация кооперативных обществ, борьба против распространения частной собственности, выступления за сокращение продолжительности рабочего дня, за создание яслей и за ограничение труда женщин и детей на производстве. Фурье для Маркса и Энгельса является тем, кто показал, что идея освобождения человека без призыва к освобождению женщины – всего лишь пустой звук, и кто убедительно обосновал право людей на трудовую деятельность. Фурье строит «будущее, после того как правильно познал прошлое и настоящее»; его произведения представляют собой «неисчерпаемый источник для конструирования и прочих целей»; а в своем решительном разоблачении буржуазии он был и «донныне остается единственным»². Что касается Сен-Симона, то у него основоположники марксизма обнаруживают критику государства и даже предвосхищение понятия диктатуры пролетариата. Достаточно значимыми, впрочем, оказываются для них и идеи других, пусть нередко и осуждавшихся ими мыслителей, скажем, Вейтлинга – «единственного немца, который действительно что-то сделал»³. Повидимому, нет смысла увеличивать количество примеров этого – отнюдь не являющегося простым «расшаркиванием» перед предшественниками – признания теоретических заслуг утопистов Марксом и Энгельсом. На мой взгляд, вполне очевидно: марксизм находится в весьма тесной связи с утопией. Важно, однако, серьезно разобраться в том, что же их объединяет.

Первым, так сказать, общим знаменателем марксистского и утопического дискурсов следует, судя по всему, считать критику

¹ Там же. Т. 20. С. 269; Т. 4. С. 455-457.

² Там же. Т. 2. С. 583-584.

³ Там же. С. 581.

существующего, наличного общества. Будучи весьма острой, она, как мы знаем, имеет место уже у Мора, а затем получает развитие в трудах многих представителей основанной им утопической традиции, и в частности незаслуженно игнорируемого Марксом и Энгельсом Леру, который в высшей мере последовательно разоблачал капиталистическую – а речь идет именно о ней – социальную систему. Но совершенно очевидно, что критичность является определяющей чертой также и произведений классиков марксизма начиная со *Святого семейства*, этой «Критики критической критики», и заканчивая *Капиталом*, снабженным подзаголовком «Критика политической экономии» – политической экономии, представляющей собой, о чем говорится в *Нищете философии*, буржуазную «науку», т.е. всего лишь средство самолегитимации буржуазии.

Второе объединяющее марксистское и утопическое мышление начало – целевая установка такого рода критики, иначе говоря, ориентация на справедливое общество как на союз живущих в согласии друг с другом людей. Все эти проекты идеального общественного устройства, проекты, восходящие к сюжетам *Государства* или образу «бодрствующих по ночам» правителей *Законов* Платона и нашедшие свое выражение в многочисленных повествованиях о земном рае, о тысячелетнем царстве Христа, о каллиполисах, о государствах и островах блаженства, – можно ли считать их не имеющими никакого отношения к марксистской доктрине, представители которой, как и утописты, полагают, что человек имеет право на счастье? Безусловно, нет, ибо и утопический, и марксистский дискурсы основываются на единстве критики и мечты о новом обществе. В данной связи уместно напомнить: Маркс, вслед за своим учителем Гегелем, категорически не соглашался с противопоставлением сущего и должного, и, убежденный в том, что разумность реальности есть реальность в ходе ее исторического развертывания¹, призывал «искать идею в самой действительности»². Но аналогичным образом рассуждает и Эрнст Блох, который настаивает на присутствии еще не случившегося в случившемся и повсюду – в архитектуре, географических исследованиях, живописи, музыке и ан-

¹ Losurdo D. Hegel et les liberaux. Paris: PUF, 1992. P. 54 et suiv.

² Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 12.

тичной мудрости – обнаруживает «пейзаж желания», пейзаж с просвечивающим в нем будущим. Задача расшифровать это будущее, задача прочесть его, с точки зрения Блоха, стоит перед любым утопистом. Вот почему столь тесно переплетены между собой марксистская и утопическая устремленность к грядущему.

Очевидно, что утопическое конструирование будущего порождает массу вопросов. Как воспринимать общество, лишенное частной собственности? В качестве социальной формы, обеспечивающей максимум демократии? Как строй, гарантирующий всеобщее образование и равенство в свободе? Возвышающий труд?¹ Реализующий социальность, основанную на согласии граждан с установленными законами? Избавленный от пережитков прошлого, от религиозного дурмана, от вражды между людьми и подавления человека человеком? Но очевидно и то, что наша оценка утопического дискурса должна быть взвешенной. Да, утопия довольствуется грезами, и за ее тоской по золотому веку иногда, в сущности, очень трудно обнаружить какое-либо намерение практически изменить действительность. Однако утопическая мечта, как показал Блох, анализируя творчество Иоахима Флорского, все же стремится стать «весьма историчной»². Да, утопия ничего не говорит о социальном преобразовании, его путях, его движущих силах, следовательно, о революции. Однако как могло бы быть иначе, если об этой революции молчит сама история (я, разумеется, имею здесь в виду отнюдь не ту утопию, что, как в случае с Кабе, держится за уже устаревшие проекты «совершенных систем»)?

Энгельс в свое время высказал следующее материалистическое соображение: «исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития»³. Это значит, что мы не вправе осуждать «патриархов социализма», т.е. Оуэна, Фурье и Сен-Симона, создававших модели об-

¹ Как отмечает П.-Ф. Моро, весьма сложно отнести к утопическому жанру повествование, которое не говорит ни о труде, ни о каком-либо равенстве между людьми (Op. cit., note 10. P. 71).

² Bloch E. *Le Principe Esperance*. Paris: Gallimard, 1982. Т. 2. P. 82.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ... Т. 22. С. 445.

разцовых социальных систем в условиях относительно неразвитых общественных отношений, за недооценку ими важности политической борьбы. И вместе с тем, как бы ни отличались друг от друга прошлое, настоящее и будущее, данные модусы времени все же тесно связаны между собой, вследствие чего возможности дальнейшей эволюции всегда вписаны в сердце реального как его проекция в грядущее. И именно здесь основание неискоренимости Принципа надежды, принципа, который постоянно действует в истории.

Между утопией и марксизмом, таким образом, нет никакой китайской стены, даже если мы берем марксистскую доктрину в ее научном измерении. Суровый реалист Ленин, хотя и был глубоко убежден в правильности пути, открытого «научным социализмом», тем не менее прекрасно понимал, что утопия – это непрерывное творчество, источник сюрпризов в самой реальности: «Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом общественных порядков, как во время революции»¹. И он же, вслед за Мором и многими другими, нисколько не сомневается в грядущем существенном изменении характера функционирования золота в обществе: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаю, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира»².

Наука как утопия

Мой очередной тезис возвращает нас к началу нашего разговора: *утопия, которая переживает сегодня свой конец, – это марксизм, выступающий в роли науки*. Речь, разумеется, идет не об историческом материализме, обеспечивающем возможность плодотворного теоретического исследования таких четырех феноменов, как способ производства, революция, трансформация государства и идеологическая надстройка³, а о марксизме-ленинизме, сложившемся и получившим повсеместное распространение в качестве

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 103 (при сохранении, заметим, контроля со стороны партии).

² Там же. Т. 44. С. 225.

³ Georges Labica. Le marxisme d'aujourd'hui. Paris: PUF, 1973 (разделение этих областей анализа, конечно, весьма условно).

«стройной и завершенной системы», иными словами, именно в качестве научной доктрины. Будучи средоточием бесспорных, непреложных «истин», данная наука, по мнению ее приверженцев, формулирует фундаментальные «законы» истории и мышления и разрабатывает универсальный, пригодный для любого конкретного общества план движения человечества к социализму. Разрабатывает, поскольку ей ничего не стоит с абсолютной точностью предсказывать расстановку социальных сил и поведение основных классов, а стало быть, однозначно определять союзников и направленность политических и идеологических действий субъекта революции, его стратегию и тактику. Эта наука преподается, и ее основные положения представлены в учебных пособиях и даже – в популярном виде – если не в катехизисах, то во всяком случае в карманных справочниках. Она призвана утвердить советскую модель общественного устройства в мировом масштабе, что должно стать безусловным свидетельством силы «ленинизма» как совокупности рецептов достижения светлого будущего, максимально эффективных где угодно, будь то Германия или Мексика, Эфиопия или Вьетнам. С каким этапом в эволюции марксистской концепции мы сталкиваемся в данном случае? Мы имеем дело с эпохой некоего безумия, эпохой бесконечного комментирования одних и тех же идей и руководящих принципов, эпохой безудержных попыток подчинить им реальность, эпохой, когда всякий хоть сколько-нибудь новаторски мыслящий марксист оказывается уклонистом, ревизионистом и изменником. Перед нами, иначе говоря, время Моисея и его сподвижников, ведущих избранный народ к запрограммированному ими спасению и подавляющих малейшее сомнение в правильности намеченного пути, т.е. обрушивающихся на творческое воображение, ибо оно есть зло для общества и каждого отдельного индивида. Конечно, в целом суть происходившего тогда хорошо известна, но нам, на мой взгляд, следовало бы с большей определенностью осознать, что режим так называемого «реального социализма» в той или иной степени лишь продолжал линию капиталистической ориентации на производство во имя производства и соответствующей этой ставке буржуазной политики в отношении трудящихся. Поскольку я не могу сейчас подробно останавливаться на данном вопросе, ограничусь двумя примерами: о сказанном явно свидетельствуют, во-первых, связанная с гибелью Аральского

моря ужасная экологическая катастрофа, телерепортажи о которой обошли недавно весь мир, во-вторых, взятая на вооружение с конца 30-х гг. XX столетия находившимися у власти коммунистами идеология усиления роли государства при социализме.,

Как же оценивать это колебание марксистского учения между наукой и утопией, эту явную амбивалентность марксизма? Безусловно, в ней, что порой и делается, можно видеть некую аномалию и искать причины такого рода отклонения от нормы, скажем, в политико-теоретическом извращении марксистской теории Сталиным и в «культе личности», критике которого посвятил себя Хрущев. Однако все подобные (нередко сопровождающиеся глубоким раскаянием в прежних грехах) акции марксистов в защиту «подлинно научной» концепции Маркса, как показывает практика, заканчиваются одним – созданием пусть и новой, но столь же двойственной, как и предыдущие, версии марксистской доктрины. И это во все не случайно, ибо амбивалентность свойственна марксизму изначально, и она, вне всякого сомнения, присутствует в текстах самого Маркса: в сущности, она является выражением противоречия (воспользуюсь здесь этим «радикальным» термином) между стремлением Маркса покончить с «хиимерами» и научно обосновать коммунизм, с одной стороны, и его желанием, отдавая должное утопистам, найти способ воплотить их идеи в действительность, с другой. Хотя, конечно, на данное противоречие довольно часто не обращают никакого внимания. Так, Сталин, чтобы подкрепить положение своей работы *О диалектическом и историческом материализме* цитатами из классиков марксизма, воспроизводит в ее заключительной части не что иное, как известный отрывок из *Предисловия* к книге *К критике политической экономии*. Названный отрывок содержит, в частности, следующее высказывание Маркса: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, т.е. – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются

за его разрешение»¹. Для Сталина, безусловно, принципиально слово *naturwissenschaftlich*² как отсылающее к «строгой» науке, но он совершенно упускает из виду, что у Маркса переворот в экономических условиях – а именно в связи с ним употребляется данный термин – и идеологические формы, позволяющие осмыслить и пережить такого рода трансформацию, несомненно, представляют собой разные вещи.

Интересное обстоятельство: Сталин в конце своего текста не упоминает произведений Ленина, где, как и в марксовых работах, оппозиция наука/утопия заявляет о себе достаточно отчетливо, однако в несколько ином, нежели у Маркса, виде. Ленин ведет речь, с одной стороны, о «вылитом из одного куска стали» марксизме, марксизме, из которого ничего нельзя изъять и к которому ничего нельзя добавить, а с другой – о революции, которая выступает не только «праздником», но и олицетворением вызревания нового в дряхлеющем старом, что хорошо видно на примере Советов, этого «продукта самобытного народного творчества», этого «проявления самостоятельности народа»³. Я думаю, такого рода творческий порыв масс следует считать определяющим признаком революционных изменений: либо революция оказывается, по выражению Маркса, «локомотивом» исторического процесса, либо ее просто нет. И недавние события, связанные с падением коммунистических режимов в странах Восточной Европы, – лучшее тому подтверждение.

Да, марксизм в определенном отношении развивался в русле движения от мышления утопического к мышлению научному. В каком же качестве выступает утопия в контексте данного движения? Она, естественно, является тем, что должно быть отброшено и возвращения чего в дальнейшем следует опасаться. Преодолением утопического в этом плане – задолго до Маркса, лишь продолжившего их дело, – занимались и утописты: они явно отводили себе роль родоначальников научного подхода к обществу, т.е. размышляли в духе Канта, который полагал, что с выходом его *Критики чистого разума* философия вступает наконец на «верный путь науки». Однако концепция, провозглашающая свою нетерпимость к

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения ... Т. 13. С. 7.

² *Naturwissenschaftlich* (нем.) – естественнонаучный. – Прим. перев.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 317.

утопическому восприятию мира и объявляющая себя научной, может, тем не менее, сама оказаться утопической. И тогда, если она по-прежнему отстаивает свою научность, этой доктрине суждено быть предельной формой утопического – утопией, не признающей утопии. Но именно таков случай марксизма-ленинизма. Крушение Берлинской стены, как мы знаем, со всей определенностью (гораздо убедительней, чем любые теоретические соображения) показало, что марксистско-ленинская наука – это только утопия и что она, вне всякого сомнения, представляет собой апогей утопии, отрицание утопического.

Утопия в марксизме

Мой следующий, и последний, тезис в свете всего сказанного, по-видимому, достаточно предсказуем: *нам необходимо, удерживая научную составляющую марксизма, в полном объеме восстановить в нем то его утопическое измерение, которое до сих пор присутствовало в марксистской доктрине лишь в урезанном виде.* Однако хочу подчеркнуть – речь идет именно о редуцированном, а отнюдь не об окончательно исчезнувшем со временем аспекте марксистской теории. Иначе говоря, альтернативы «либо наука, либо утопия» марксизм взятый в целом избегает и после смерти Ленина, и доказательством этого являются по меньшей мере два ключевых факта истории марксистской мысли в соответствующий период.

Во-первых, факт наличия в среде марксистов, если угодно, практики сопротивления ортодоксальному догматизму. Известно, что в эпоху господства марксистско-ленинской доктрины – а ее принципами обязаны были руководствоваться не только находившиеся у власти или стремившиеся к ней коммунистические партии, но и международное рабочее движение вообще – немалое число последователей Маркса так или иначе постоянно дистанцировалось от этого сталинского диалектического материализма, ставя его положения под сомнение и даже подвергая их весьма решительной критике. Здесь обнаруживаются несколько категорий мыслителей. Прежде всего нельзя не указать на представителей довольно неоднородного интеллектуального движения, названного мной в свое

время «независимым марксизмом»¹: они старались, с одной стороны, углубить марксову теорию, явно не завершенную и в ряде случаев противоречивую, а с другой – согласовать ее с новыми, отсутствовавшими в обществе на момент написания *Капитала* реалиями. Речь идет, конечно же, о Грамши, Блохе, Лefевре, Лукаче и Альтюссере, а также о теоретиках Франкфуртской школы. Это восходящее к Лабриоле течение никогда не прекращало борьбу за живой, творческий марксизм. Далее, необходимо вспомнить о вдохновителях так называемых «политических альтернатив» марксизму-ленинизму – о Паннекуке с его советизмом и о троцкистах. И, наконец, стоит принять во внимание позицию тех, кто отказывался слепо следовать официальным указаниям Коминтерна относительно «реализации» утвержденной им модели нового общественного строя. Так обстояло дело с Мао и идеологами революций в странах «третьего мира». И в данном случае, очевидно, нет смысла говорить о каких-то исключениях в лагере марксистов, руководивших движением к социализму: многообразие национальных особенностей различных стран (в экономической, политической, культурной и идеологической сферах) неизбежно вело к появлению многообразия специфических форм, как выражался Ленин, «прививок» марксизма рабочему движению у разных народов. Иными словами, реальная жизнь во всей ее неоднозначности в очередной раз оказала мощное воздействие на теорию².

Во-вторых, утопического измерения не утрачивает даже марксистская доктрина, выступающая в своей самой радикальной позитивистской разновидности. Тесная связь этого варианта марксизма с утопическим восприятием мира, хотя она и обусловлена скорее экзогенными, нежели эндогенными по отношению к теории факторами, на мой взгляд, вполне очевидна. Как легко догадаться, я имею в виду ситуацию с советской моделью организации социума: именно данная модель в сознании трудящихся, всех, кто оказался жертвой капиталистической строя на нашей планете, на протяжении длительного времени напрямую ассоциировалась с приближающимся освобождением, а значит, функционировала в качестве утопического образа – образа, аккумулировавшего в себе во-

¹ *Georges Labica*. Le marxisme-leninisme. Op. cit. ... P. 124.

² *Ibid.* P. 126 et suiv.

одушевление угнетенных, вызванное Октябрьской революцией и «успехами социалистической системы», от которой ожидали победы в «мировом масштабе». Да, постепенно достоянием общественности становились и сведения о негативных аспектах социалистического строительства, и информация о расхождении между тем, к чему стремились, и тем, чего реально достигли коммунисты, но в сущности на умонастроении масс это никак не сказывалось. И дело тут не столько в ориентированной на безусловную поддержку СССР пропаганде, инициаторы которой восхваляли правящую элиту Государства Советов и замалчивали совершаемые ею ошибки и преступления, сколько в неискоренимости характерной для угнетенных надежды на светлое будущее и в силе присущей им веры в перспективу лучшего мира. При этом не стоит, однако, забывать: неадекватно исторические возможности «реального социализма» оценивали и господствующие при капитализме социальные группы – они также полагали, что в соревновании «двух лагерей» чаша весов шаг за шагом склоняется в пользу социализма, а потому опасались национализации частной собственности и были убеждены если не в неустранимости советского и подобных ему режимов, то по крайней мере в их долговечности.

Сегодня идея жестко программируемого преобразования невыносимых для индивидов условий их существования уходит в прошлое. И последние оставшиеся марксисты-догматики, и коммунисты, в массовом порядке переходящие на реформистские или социал-демократические позиции, своей политикой лишь способствуют глобализации экономики и укреплению капиталистических производственных отношений (столь почитаемая ныне «западная» демократия, вне всякого сомнения, неотделима от рынка). Но следует ли отсюда, что в прошлом остается и стремление людей к более или менее радикальным изменениям общественной жизни (тяга к ним, желание их, надежда на них)? Безусловно, нет; и поскольку это так, перед нами встает следующий вопрос: не ведет ли в наши дни отсутствие реально-ирреальной основы, на которой сформировался марксизм и которая обеспечивала единство его научного и утопического аспектов, к тому, что марксистская доктрина скатывается до уровня утопий, предшествовавших ее появлению? Банкротство марксистской утопии-науки, будучи свидетельством наличия в ней в сущности одного лишь утопического измерения, по-

видимому, напрямую способствует распространению в среде интеллектуалов настроений неприятия всякой утопии. В этом плане можно сказать, что марксистская теория стала жертвой своего собственного анти-утопизма. Как же тогда восстановить исходную определенность марксизма, предполагающую сопряженность двух его составляющих – научность материалистического анализа и утопизм желания трансформировать действительность?

Надежда в сердце реального

Я придерживаюсь позиции, противоположной позиции интеллектуалов, которые отрицают какую бы то ни было утопию. То, что постоянно твердят эти неонигилисты и что активно транслируется средствами массовой информации, сводится к одному: мы оказались в ситуации неизбежного конца «больших рассказов», завершения идеологий, завершения утопий, завершения самой истории, нам, иными словами, суждено жить в эпоху *no future*¹, в «эру ничто». Индивидам, судя по всему, остается лишь смириться с современным социальным порядком, разве что самые смелые из них могут заниматься его поверхностным, косметическим реформированием. Нет сомнения, подобного рода рассуждения вполне адекватно отражают внешнюю сторону нынешней общественной жизни; и все же идеология существует и сегодня, и, ограничиваясь данными констатациями безнадежности нашего теперешнего положения, неонигилисты так или иначе (я думаю, в большинстве случаев они делают это помимо своей воли) в принципе легитимизируют и поддерживают доминирующую сейчас разновидность идеологической ориентации, а именно либерализм.

Кроме того, нужно отдавать себе отчет в последствиях сложившегося положения вещей. Природа не терпит пустоты, и исчезновение, точнее говоря процесс, который за него принимается – утопии (а для неонигилистов «конец утопии» – не что иное, как знак всех провозглашаемых ими «завершений») открывает дорогу откровенно регрессивной социальной динамике. Оглянемся вокруг: возрождение национализма и религиозного фундаментализма, распад личности, распространение коррупции, расцвет профессио-

¹ No future (англ.) – нет будущего. – Прим. перев.

нальной преступности – все это, стыдливо именуемое многими мыслителями «отступлением политического» и не имеющее ничего общего с каким бы то ни было новым мировым порядком (в строгом смысле слова «порядок»), в нынешних экономических условиях представляет собой царство анархии, анархии, которая скоро заявит о себе в полную силу. И в своем стремлении найти заменитель утопическому индивиду обращаются к чему угодно, вплоть до столь популярных сегодня среди молодежи наркотиков. С чем мы здесь сталкиваемся? Мы сталкиваемся с варварством в эпоху компьютеров, с варварством в период нарастающей противоположности между властной элитой и массой отверженных. Что ж, в некотором отношении неонигилисты, пожалуй, правы: на этом уровне нашей жизни не может иметь место никакая утопия.

Однако потребность в утопическом вовсе не умерла. Она восстанавливается и более того – усиливается. Утопия должна соответствовать этой глубинной потребности и в плане адекватности своему антропологическому основанию (утопическое связано с проективностью человеческого бытия, с обращенностью человека к будущему), и в аспекте своей критичности (утопическое не удовлетворено наличным и готово к его отрицанию), и с точки зрения своей целевой установки (утопическое имеет в виду другой, лучший мир). Конечно, в общественном сознании продолжают функционировать в принципе всегда присутствующие в нем разного рода грезы, химеры и фантазмагии, но теперь они в гораздо меньшей степени, чем раньше, способны поддерживать индивидов и их коллективы. Ибо действительно позитивную роль в нашей нынешней жизни играет противоположное не реальности, а унылому прагматизму, сегодняшнему без завтрашнего, оправданию существующего и малодушию. Тем интереснее наблюдать, как на фоне распространившегося неприятия утопического то там то здесь дают о себе знать настроения совсем иного рода: с одной стороны, все чаще слышны голоса недовольных воцарением «завершенных» и тем, чем это воцарение оборачивается, а с другой – все большее число мыслителей высказывается за реабилитацию утопической мысли в пользу «конкретных» или «разумных» утопий¹. Утопия не

¹ Первое прилагательное использовано немецкими «зелеными» и воспроизведено в манифесте «зеленых» французских (dans *Les Verts et*

только не закончила своего существования – она, наоборот, обретает новую силу в новых условиях. Она исторична, и потому утопическое у Мора и Маркса и даже у Оуэна и Маркса – это не одно и то же.

Утопия есть функция реального, и сегодня она должна основываться на серьезном анализе действительности, на глубоком знании воспроизводящихся на значительно более высоком уровне, чем прежде, и достигших невиданного ранее господства капиталистических производственных отношений. Но как раз на такого рода знание и ориентирован исторический материализм, который освободился наконец от формы предписания и катехизиса и выступает в качестве по-настоящему научной, предполагающей самокритику доктрины. Лучше всех, на мой взгляд, эту внутреннюю связь утопического и научного в марксизме выразил Эрнст Блох, и очень жаль, что многие из нас на протяжении длительного времени не прислушивались к его голосу: «Марксизм вовсе не является бегством от антиципации, и он отнюдь не отказывается выполнять утопическую функцию; с марксизмом антиципация, наоборот, переживает свое подлинное рождение, ибо, так как он представляет собой предельно конкретную, максимально приближенную к реальным процессам концепцию, все лучшее, что есть в утопии, находит благодаря ему действительное основание, обретает способность к осуществлению. Именно Марксу, следовательно, мы обязаны тем, что наши самые смелые замыслы становятся реальной силой, событием мира, и именно в марксовой теории берет начало единство надежды и знания тенденций действительности, короче говоря,

l'economie, 1992); речь идет об ориентации на сокращение продолжительности рабочего дня, что было квалифицировано Полем Фабра как «неоархеомарксистская постановка вопроса» (dans *Le Monde*, 17 mars 1992). Второе определение фигурирует в программе 10-й конференции Марксистского международного революционного союза (dans *Sous le drapeau du socialisme*, 121, fevrier 1992. P. 29). Декларация «левая цель и последовательность» завершается призывом к «современной и сдержанной утопии» (dans *Le Monde*, 2 april 1991). Есть и много других примеров этого возвращения утопического или «возврата идеологии» (Bertrand Poirot-Delpech, dans *Le Monde*, 11 mars 1992).

реализм»¹. Для Блоха утопия является надеждой и желанием, которым свойственно панорамное восприятие окружающего, видение перспективы, ощущение «неисчерпаемого богатства содержащихся в реальности возможностей, иными словами, открытости реального изменениям»². Она, утопия, есть «удивительно красивая модель будущего мира», но эта ее красота, по видимому, «не всегда воплощается в сооруженной на ее основе реальной конструкции»³. И ее, утопию, надо рассматривать как саму революцию, «в случае отсутствия которой рождается государственный капитализм»⁴, поскольку он, подобно коммунизму, тоже возникает в результате реализации одной из тенденций эволюции капиталистического общества.

Блоховская концепция утопии как «порождающей исторической силы», вне всякого сомнения, требует от нас достаточно критического отношения к домарксовским утопическим построениям. И прежде всего мы должны обратить внимание на то, что им, как подчеркивает Блох, явно недостает прогностического потенциала: так, Град Божий Августина предполагает только возрождение души; Кампанелла «абсолютно согласен с политикой властей своего времени, которую он и превозносит в своей утопии», в системе, по существу не выходящей за рамки «государственного социализма»⁵; теория Прудона – это «выражение умонастроений богемы в духе Бэббита и просто нагромождение революционного китча»⁶. В этом плане совсем не исключено, что при ближайшем рассмотрении не-

¹ Le Principe Esperance, op. cit. ... P. 214. Ж. Роле недавно напомнил позицию Маркузе, который полагал, что «царство свободы проступает в самом царстве необходимости», что «утопия больше не является утопичной» и что «если объективные условия налицо, потусторонность утопии уже не есть потусторонность господствующему способу производства». (Dans Herbert Marcuse, philosophie de l'émancipation. Paris: PUF, 1992. P. 195 et 201).

² Le Principe Esperance. Op. cit. ... P. 435.

³ Ibid. P. 307.

⁴ Ibid. P. 542.

⁵ Ibid. P. 97-98.

⁶ Ibid. P. 155.

которые из идей, заимствованных Марксом от утопистов, могут оказаться наиболее слабыми в его доктрине. Я имею в виду в первую очередь положения об отмирании государства, исчезновении наемного труда и универсальном развитии индивида в будущем обществе. А вот с идеей диктатуры пролетариата дело, на мой взгляд, обстоит иначе... Как бы то ни было, действительность постоянно меняется, и наша трактовка происходящего может и должна быть существенным фактором ее изменений.

Уже довольно длительная и весьма непростая история марксизма свидетельствует, что он не избежал колебаний между наукой и утопией, колебаний, не раз превращавших его в достаточно неоднозначную, а порой и противоречивую теоретическую систему. И последние события данной истории – еще одно напоминание о том, сколь важен для нас *11-й тезис о Фейербахе*, призывающий марксистов ориентироваться на единство интерпретации и изменения мира¹. А это значит, что мы должны соответствовать духу времени и уметь актуализировать открывающиеся перед нами возможности преобразования существующего. Марксизм, если воспользоваться лукиановским термином, который понадобился Эразму для характеристики образа мысли Мора, есть подлинная *morosophia*, безумная мудрость или безумие мудрости. И вместе с тем, как отмечает Блох, в свойственном ему «стремлении покончить с убожеством действительности нет абсолютно ничего экстравагантного»². Сегодня мы как никогда ранее обязаны уметь фиксировать утопическое в самом сердце реального, ибо – процитирую вслед за Блохом Оскара Уайльда – «никакая карта мира не заслуживает даже взгляда, если на нее не нанесена страна утопии»³.

¹ Речь идет о знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе Маркса: «Философы лишь различным образом интерпретировали мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (dans *Georges Labica*. Karl Marx, les theses sur Feuerbach. Paris: PUF, 1987 (commentaire p. 113 et suiv.).

² *Le Principe Esperence*. Op. cit. ... P. 38.

³ *Ibid.* P. 45.

Перевод с французского Н.В. Сулова
под научной редакцией К.Н. Любутина**.*

* *Сулов Николай Владимирович* – доцент кафедры истории философии Уральского государственного университета, кандидат философских наук.

** *Любутин К.Н.* (См. С. 64).